

Переступив через широко распахнутые створки парадных ворот, он встретил лицом к лицу не тяжелую, хаотичную ауру смертоносной бойни, а безмолвную, давящую мертвую тишину.

В дверь стучал облаченный в искусно сделанные доспехи военачальник с весьма непримечательным лицом — по крайней мере... У Сюнь никогда прежде не видел его в Городе Ву.

Его лицо было покрыто грубыми буграми мышц, глаза оставались приоткрытыми, источая свирепую убийственную ауру, а от переносицы до левого виска тягчайшим шрамом пересекал кожу пугающий порез, отчего и без того зловещее лицо казалось донельзя свирепым и ужасающим.

Заметив появившуюся в дверях неторопливую мальчишескую фигуру, военачальник со шрамом сложил руки ладонью в кулак, со звоном опустился на одно колено и грубым голосом, не утратившим, впрочем, должной почтительности, произнес:

— Высочество!

Следом за ним и целая ватага конников, стоявших лагерем на длинной улице, один за другим спешили, нарушая тишину нестройными звуками поклона.

— В чем дело? — с крыльца донесся холодный голос юноши.

Одетый в роскошные шелка юноша стоял перед пустынными воротами, заложив руки за спину, и с высоты своего положения оглядывал разношерстную толпу у подножия лестницы.

— ...

Военачальник со шрамом мгновенно поднялся.

Он ответил не сразу: бросив свирепый взгляд на павильоны за спиной У Сюня, он слегка нахмурился.

— Город Ву сейчас охвачен сплошной смутой, вы же явились в резиденцию, где проживает это Высочество, в столь грозном составе, — посреди мертвой тишины продолжал звучать слегка раздраженный голос У Сюня. — Уж не за наградой ли вы пожаловали?

— Не смеем! — наконец заговорил военачальник со шрамом. — У генерала и впрямь есть важное дело к Высочеству. А стучали мы прежде сгоряча, прошу Высочество простить нас за провинность.

Он по-прежнему держал руки сложенными в кулак, но взгляд его не опустил, а так и остался

прикованным к тому, что находилось за спиной У Сюня, из-за чего смотреть на него было крайне неприятно.

— О? — У Сюнь словно заинтересовался, не пытаясь разобрать, где в его словах правда, а где ложь. — Мне самому любопытно, что же это за дело такое срочное?

— ...

Военачальник со шрамом на миг умолк, и с его иссохших губ сорвались мрачные слова:

— Докладываю Высочеству: мы прибыли по приказу Вана препроводить Высочество во дворец для временного проживания.

— Приказ Вана? — У Сюнь, заложив руки за спину, шагнул вперед и неторопливо протянул руку. — Где же царский указ?

Выражение лица военачальника со шрамом ничуть не изменилось: он не стал доставать ни указа, ни совершать каких-либо иных нарочитых движений, а лишь спокойно пояснил:

— Се воля Вана, извольте проявить снисхождение, Высочество.

— Вот как? — веки У Сюня слегка опустились, и он вдруг усмехнулся. — Что ж, хорошо.

Едва договорив, он взялся за меч на поясе и собрался было зашагать прочь.

— Пойдите, Высочество!

Позади раздался хриплый мужской оклик, и под звонкое трение доспехов свирепая фигура резко качнулась, преграждая ему путь.

На него надвинулась рослая, крупная тень, излучавшая недвусмысленную угрозу. У Сюнь замер на месте, слегка нахмутив брови.

В его глазах сгустился непроглядно-темный мрак, и мечущиеся блики в зрачках юноши обратились в пронзительный ледяной свет.

У Сюнь слегка повернулся, искоса бросив взгляд на пустые улицы по обе стороны, но так и не удостоив мужчину вниманием:

— Ты вздумал меня остановить?

— Высочество, — тон военачальника со шрамом был несколько странным, словно он изо всех сил старался сделать голос ровным. — Ныне обстановка в Городе Ву внезапно расстроилась, позвольте же генералу по приказу сопровождать вас ради вашей же безопасности.

— Нет нужды утруждаться, — холодно прервал его У Сюнь. — Возвращайся с докладом, я и сам отправлюсь во двор.

— Высочество, — голос военачальника со шрамом становился все ниже. Он изо всех сил сдерживал подступающее раздражение, шагнул наперерез и снова преградил У Сюню дорогу. Его тяжелая ладонь даже невольно потянулась к рукояти меча на поясе. — Прошу Высочество не ставить нас в затруднительное положение.

У Сюнь перевел на него взгляд и улыбнулся — то ли с усмешкой, то ли всерьез:

— Кажется... ты не расслышал моих слов?

— Мне повторить еще раз? — брови юноши сошлись на переносице, а голос резко стал суровым. — Долой с дороги!

Брови военачальника со шрамом нахмурились еще сильнее. Закипающее раздражение заставило его чуть ли не скрипеть зубами:

— Царский приказ не терпит отлагательств, прошу Высочество...

— Ха, ты все еще пытаешься меня обмануть? — У Сюнь равнодушно усмехнулся, и каждая его фраза сочилась презрением. — В такое время матушка-отец уж точно не станет звать меня во дворец. А если бы и позвал, то непременно прислал бы кого-то из близких мне людей.

Зрачки военачальника внезапно сузились.

— А вы...

У Сюнь окинул его беглым взглядом и равнодушно отвел глаза:

— Судя по вашим одеждам и снаряжению, на вас даже нет опознавательных знаков стражи...

Ему даже не требовалось ничего проверять — У Сюнь лишь рассмеялся, начисто разрушив его личину:

— Так что истинный твой хозяин, должно быть, совсем другой человек.

— Полагаю, это мой дорогой... Королевский Дядя.

Цзинь!

Позади раздался холодный звук обнажаемого клинка. Острый ледяной блеск полоснул по щеке, принес с собой слабый запах сырого мяса.

Стоило ему обернуться, как стоявший позади человек явил свое истинное лицо, полное свирепости. Он словно окончательно сбросил все личины, без утайки обнажая затаенную в сердце злобу.

У Сюня развевались пряди волос, и он холодным взглядом смотрел на занесенный клинок, а в его детском лице таилась беспрецедентная жесткость.

— Взять Высочество! — военачальник больше не тратил слов на пустые разговоры. Поманив рукой тех, что стояли позади, он расплылся в холодной, зловещей ухмылке.

— Кто посмеет?!

Юноша обвел всех взглядом, и из его груди внезапно вырвался короткий, звонкий окрик.

В этот миг в его прекрасных глазах разгорался все более пронзительный свет, источая леденящий душу холодок, и он с гордым презрением взирал на воинов с пиками и в доспехах.

На мгновение зазвенели латы, завыл ветер — и никто не смел сделать и движения.

Динь-динь...

В тот самый миг, когда все вокруг потеряли дар речи, меч на поясе юноши с резким звоном вылетел из ножен. Раздавшийся звон стали заставил толпу мгновенно опомниться, и солдаты рефлексивно выхватили оружие, затянув пустынную улицу ледяным морем сияющих клинков.

Они собрались было пойти в атаку с мечами наперевес, но никто из них и помыслить не мог, что клинок, извлеченный юношей, был направлен вовсе не на кого-то из них, а... на его собственную горлянь.

Переливающийся ледяным светом клинок намертво прижался к детской шейке, а отражавшееся от него ослепительное белое сияние становилось все более резким, словно стремясь поскорее отведать текущую там горячую, палящую кровь.

Зловещая ухмылка на лице военачальника со шрамом на миг застыла, мрачное выражение

наконец начало меняться, его мощные руки замерли на весу, а глаза под шрамом впились в смертоносное для юноши лезвие.

Стоя ближе всех, он видел отчетливей остальных, как самая малость острия уже вонзилась в кожу, и редкие капли крови медленно расползались наружу.

— Назад.

Поверх затуманенного разума толпы неторопливо прозвучал этот тихий шепот.

Потрясенное лицо военачальника со шрамом быстро вернуло прежнее спокойствие, и он заговорил снова, хотя в голосе уже не было прежней свирепости:

— Высочество, что вы...

— Ничего особенного.

У Сюнь держал меч поперек горла и с улыбкой дал ответа, от которого стыла кровь в жилах:

— Просто хочу, чтобы ты прикинул: если я погибну здесь... что сделает с тобой твой хозяин?

— Хм! — услышав это, военачальник злобно рассмеялся.

Внезапно, словно задев какую-то кровоточащую рану, выражение его лица мгновенно вышло из-под контроля. Густая злоба хлынула наружу, смывая мимолетное потрясение и делая его и без того отталкивающее лицо еще более уродливым и мерзким.

Топ!

Продолжая наступать, военачальник неумолимо приближался шаг за шагом.

В упор глядя на этого роскошного и красивого юношу, он перекосил лицо в еще более свирепой гримасе и, словно сжигаемый какой-то завистью, злобно зарычал:

— Вы, знатные господа, что рождаются столь высокими, вечно дорожите своей шкурой и любите жизнь, с какой стати вам калечить самих себя?

При этом шаги его не прекращались, хотя и стали невероятно медленными.

Да, больше всего на свете он ненавидел тех, кто, не приложив ни малейших усилий, взбирается

на самую вершину и смотрит на все свысока.

А им, простым смертным, приходится пробиваться всю жизнь, но даже тогда им не дотянуться до этих небожителей. И если им приходится склонять головы и верно служить лишь потому, что те удачно родились, неужели они должны безропотно сносить любые капризы?

Сколь бы дикой и безудержной ни была ярость в его сердце, протянутая рука так и не решилась двинуться дальше, страшась, что от любого неосторожного движения мальчишка и впрямь пострадает.

Хотя чуть окровавленный клинок прижимался к шее юноши, казалось, будто он сжимает его собственное горло.

— Ты абсолютно прав.

Взгляд У Сюня был до странности спокоен, и никто не мог разглядеть таящийся на самом дне ледяной свет.

Кап-кап!

От этого звука у всех разом расширились глаза.

Звук капающей крови был слишком знаком каждому присутствующему.

Но...

По мере того как рука У Сюня надавливала на меч, багровые следы... поползли от самого острия, словно ядовитый шип, вонзаясь в сузившиеся зрачки людей.

— Прекрати! — лицо военачальника резко переменилось, и, потеряв всякую способность сдерживаться, он истошно завопил.

Его протянутая рука застыла в воздухе, а прижатый к горлу юноши меч в тот же миг замер, источая ослепительное белое сияние и встречая взгляд юноши, похожий на взгляд лютого волка.

<http://bllate.org/book/21202/2146236>